

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

В КОНФЛИКТНОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ =

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.5>

UDC 81'42:004.738.5

LBC 81.055.51.5

Submitted: 28.01.2022

Accepted: 21.03.2022

THREAT IN SOCIAL NETWORKS: FEATURES OF SEMANTICS AND PRAGMATICS

Anatoly N. Baranov

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper considers the phenomenon of threat as a speech act and a discursive strategy in social networks. Semantic explication of the threat presupposes two main types: threats-punishments and threats-warnings. Speakers use each type of threats in different communicative situations. The threat-punishment is related to the past, and the threat-warning is related to the future. Linguists – specialists in forensic linguistics – should distinguish between threats-punishments and threats-warnings, since different types of crimes are associated with different types of threats. Identification of threats in social networks and their linguistic analysis are a difficult task, complicated by the addressee factor. The fact is that in social networks, one and the same speech act – including the speech act of threat – can refer to different recipients. Moreover, the illocutionary semantics of a speech act may vary depending on who it is addressed to. In addition, speech acts of threats in the discourse of social networks often occur along with other speech acts similar to the semantics of the threat. Another problem is the use of multimodal texts in Internet communication that combine visual and verbal information proper. The article suggests elements of a categorical apparatus, the use of which allows to identify and describe threats in situations of multiple addressees of a speech act, in the contexts of speech acts similar in illocutionary semantics to threats, as well as in cases of discursive strategies for threat implementation.

Key words: speech act, speech act of threat, semantics of threat, pragmatics of threat, social networks, discursive practice.

Citation. Baranov A.N. Threat in Social Networks: Features of Semantics and Pragmatics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 54-65. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.5>

УДК 81'42:004.738.5

ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 28.01.2022

Дата принятия статьи: 21.03.2022

УГРОЗА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ И ПРАГМАТИКИ

Анатолий Николаевич Баранов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается угроза как речевой акт и дискурсивная стратегия в социальных сетях. Даются семантические экспликации угрозы, и выделены два основных ее типа: угрозы-наказания и угрозы-предупреждения. Показано, что каждый из типов угроз реализуется в различных коммуникативных

ситуациях, что угроза-наказание направлена в прошлое, а угроза-предупреждение – в будущее. Обоснована необходимость различения угроз-наказаний и угроз-предупреждений для судебной лингвистической экспертизы, поскольку различные составы преступлений связаны с различными типами угроз. Охарактеризованы сложности выявления угроз в социальных сетях, и проведен лингвистический анализ угроз: в социальных сетях один и тот же речевой акт угрозы может относиться к различным адресатам, что влияет на его иллокутивную семантику; реализация угроз в дискурсе социальных сетей часто происходит на фоне других речевых актов, сходных по семантике с угрозой; в интернет-коммуникации используются комбинированные тексты, совмещающие изобразительную и собственно вербальную информацию. В статье уточняется категориальный аппарат, использование которого позволяет выявлять и описывать угрозы в ситуациях множественных адресатов речевого акта, в контекстах речевых актов, похожих по иллокутивной семантике на угрозы, а также в случаях дискурсивных стратегий реализации угрозы.

Ключевые слова: речевой акт, речевой акт угрозы, семантика угрозы, прагматика угрозы, социальные сети, дискурсивная практика.

Цитирование. Баранов А. Н. Угроза в социальных сетях: особенности семантики и прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 54–65. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.5>

Введение

Угроза представляет собой сложный феномен, который не ограничивается чисто лингвистическим содержанием. Реализованная угроза очевидно имеет и психологический, и культурный, и даже социальный аспекты. Речевой акт *Убью, гад!* в игре подростков оказывает совсем иное психологическое воздействие на адресата, чем аналогичная реплика по отношению к судье в зале судебного заседания. Неречевые последствия такого речевого акта, в том числе юридические, также будут различаться.

Даже лингвистическая, точнее семиотическая, сторона угрозы, взятая изолированно, все равно оказывается неоднородной, поскольку в публичном дискурсе функционируют разные семиотические системы – вербальные (прежде всего естественный язык) и невербальные (комбинированные тексты, включающие собственно текст и изображение, а также изображения без вербальной составляющей с динамическими и статическими визуальными знаками)¹.

Для лингвистической экспертизы изучение феномена угрозы оказывается одним из важнейших направлений исследования, поскольку угроза присутствует как существенный (в том числе квалифицирующий) признак во многих законах гражданского и уголовного законодательства. Отметим попутно, что далеко не все релевантные с юридической точки зрения характеристики угрозы охватываются инструментарием лингвистической теории².

Сложность исследования феномена угрозы, состоящая в его принципиальной междисциплинарности, умножается, если угроза передается в новой сфере общения – в Интернете, в социальных сетях. Коммуникативная среда социальных сетей имеет ряд свойств, которые дополнительно затрудняют выявление дифференцирующих и интегральных характеристик угрозы.

Во-первых, идентификация участника коммуникации в социальных сетях затруднена – даже с учетом того, что современные технические средства в некоторых случаях позволяют выявлять конечного пользователя соответствующего автора блога, а некоторые сети требуют идентификации при регистрации нового участника сети. Иными словами, установление агенса угрозы (того, кто угрожает) оказывается проблемой.

Во-вторых, адресат сообщений в блогах социальных сетей имеет принципиально неопределенный характер. Как пишут в этих случаях в юридических документах, это «неопределенный круг лиц». Между тем в лингвистической экспертизе необходимо установить адресата угрозы. Множественность возможных адресатов либо делает невозможным квалификацию речевого акта как угрозы, либо требует выделения адресатов различных типов.

В-третьих, вербальные средства выражения содержания (естественный язык) в социальных сетях часто переплетаются с невербальными (изображениями, музыкой, шумами). Проблема выявления и интерпретации

визуальных знаков (в том числе динамических), поставленная в визуальной семиотике, приобретает решающую значимость в экспертизе материалов социальных сетей.

В-четвертых, текст речевого сообщения в социальных сетях ничем не ограничен (может быть, только терпением адресата). Это позволяет использовать разнообразные дискурсивные стратегии передачи семантики угрозы, анализ которых только лингвистическими средствами представляет существенную проблему.

В-пятых, текстовые материалы в социальных сетях, с одной стороны, ничем не ограничены и могут быть довольно пространными, а с другой – де-факто ограничения имеются, поскольку участники сетевой коммуникации склонны к экономии речевых усилий. Это способствует возникновению многозначности и омонимии, что дополнительно осложняет семантический анализ.

В последующих разделах дается общее представление о семантике угрозы и разбираются примеры угроз, анализ которых осложнен особенностями коммуникативной среды социальных сетей. Речевые практики социальных сетей во многом повторяют устную речь, характеризующуюся коммуникативными сбоями, речевыми ошибками, многозначностью и эллипсисом. В силу этого исходная семантическая экспликация угроз иллюстрируется примерами из художественной литературы и СМИ.

Результаты и обсуждение

Семантика и прагматика угрозы

Семантика угрозы неоднократно обсуждалась в существующей лингвистической литературе в контексте общетеоретических задач лингвистической и лексической семантики. А. Вежбицкая в статье о речевых жанрах предлагает следующую экспликацию семантики угрозы:

УГРОЗА = ‘говорю: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое; думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал; говорю это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X’ [Wierzbicka, 1983].

Согласно А. Вежбицкой, речевые акты типа (1):

(1) ХАМАС в очередной раз **угрожает** «преподать жестокий урок» израильским военным (Эксперт. 2014).

к угрозам не относятся, поскольку ситуация X уже реализовалась, причем ответственность за нее несут «израильские военные». Между тем намерения и неуказанные действия организации ХАМАС в отношении «израильских военных» описаны в предложении с использованием глагола *угрожать*. Иными словами, с точки зрения носителя языка, рассматриваемая ситуация относится к угрозам. Легко видеть, что в семантической экспликации А. Вежбицкой и приведенном примере ситуации различны: в первом случае коммуникативное намерение говорящего состоит в том, чтобы предотвратить некоторую нежелательную ситуацию, а во втором – наказать за уже свершившееся. В первом случае реализуется угроза-предупреждение, а во втором – угроза-наказание.

Угрозы-наказания используются в ситуациях, когда адресат сделал что-то нежелательное для говорящего и он предупреждает адресата о наказании, которое за это последует:

(2) В октябре 1918 года Литке был командиром полка особого назначения, и В. Трифонов часто отдавал ему разного рода письменные распоряжения и приказания... В одной записи, например, за какое-то нарушение дисциплины он **грозил** предать весь командный состав полка суду полевого трибунала (Ю. Трифонов. Старик);

(3) Начальник Канцелярии принял слова Данилова на свой счет, бился в ужасном гневе... **грозил** упечь Данилова в расплавленные недра Земли (В. Орлов. Альтист Данилов).

В приведенных примерах в качестве нежелательной ситуации выступает нарушение дисциплины (2) и слова героя повести (3).

Угрозы-наказания реализуются в ситуации, когда, с точки зрения говорящего («угрожающего» – агенса угрозы), адресат угрозы сделал что-то плохое для угрожающего и должен понести за это наказание (санкцию). Семантику данного типа угроз можно отразить в следующей экспликации на языке толкований:

X *угрожает*₁ / *грозит*₁ Y -у, что *сделает* P = ‘ X говорит Y -у, что *сделает* P – нечто плохое для Y -а – из-за того, что Y сделал что-то плохое X -у (= Q), чтобы Y боялся P и осоз-

нал, что нехорошо делать плохое для X -а (в том числе и Q) и не делал это в будущем'³.

Из приведенного толкования следует, что основной смысл угрозы-наказания состоит в том, чтобы заставить адресата бояться наказания как санкции за содеянное. Сопутствующий смысловой акцент – «воспитательный». Действительно, компонент 'и не делал это в будущем' характерен для наказания: адресат данного типа угрозы должен понимать, что повторение нежелательного действия, поведения и пр. приведет к аналогичному наказанию. Впрочем, санкция санкции рознь: после некоторых санкций повторение нежелательного события окажется невозможным в принципе.

Угроза-наказание не относится ни к прямым, ни к косвенным побуждениям, хотя из компонента 'чтобы Y боялся P и <...> и не делал это в будущем' выводится следствие ' X не хочет, чтобы Y делал плохое X -у', которое может влечь побуждение Y -у не делать плохого для X -а. Однако это побуждение довольно слабое. Тем самым выявление в диалоге или письменном тексте угрозы-наказания необязательно указывает на ситуацию вымогательства, так как нечто плохое (то есть Q) уже сделано.

Тем не менее угроза-наказание может эксплуатироваться и при вымогательстве. В этом случае квалификация Q , сделанного Y -м, как плохого для X -а носит декларативный, притворный характер и используется как фактор давления на Y -а для получения от него желаемого – денег, уступки прав на собственность и пр. В этом случае семантическая структура вымогательства усложнена.

Характерный пример угрозы-наказания представлен в конфликте между Боженой Рынской (Малашенко) и Никой Белоцерковской, перипетии которого обсуждались сразу в нескольких социальных сетях. Одна из участниц конфликта в своем блоге пишет:

(4) Да, я жалею, что связалась. Да, я прекрасно понимаю, что ввязываясь в диалоги с подобным неизбежно окажешься с головы до ног. Но раз уж мне так «повезло» и я уже по уши – доведу до конца. Божену Львовну ждут многочисленные адми-

нистративные и уголовные административные и уголовные иски⁴ (Instagram *).

Фраза *Божену Львовну ждут многочисленные административные и уголовные административные и уголовные иски* передает санкцию в угрозе-наказании. Действительно, в конфликте участницы обменивались многочисленными обвинениями. В ответ на обвинения в свой адрес Белоцерковская сообщает, что Божену Рынску ждут многочисленные административные иски. Из контекста следует, что иски подает Ника Белоцерковская:

(5) Мои интересы в судах представляет адвокат Князев Андрей Геннадиевич, уже имеющий успешный опыт наказания Рынской за клевету. Все иски подготовлены и будут поданы уже сегодня (Instagram).

Причина реализации санкции (подача исков в суды) состоит в том, что Божена Рынская, как полагает Белоцерковская, клеветала на нее:

(6) Все, что пишет обо мне Божена Рынская – чудовищная, грязная и мстительная ложь, задевающая все больше и больше людей (Instagram).

Таким образом, в контексте присутствуют основные семантические компоненты угрозы-наказания⁵.

Угрозам-наказаниям соположены **угрозы-предупреждения**, которые используются тогда, когда говорящий понимает, что адресат может совершить нечто нежелательное для него (или связанных с ним лиц), и пытается предотвратить это. Ср. характерные примеры:

(7) Трактирщик тем временем не умолкал – то командовал сорванным голосом, то увещевал почти ласково. А то **угрожал** перестрелять всех, если срейфят (В. Быков. Камень);

(8) Молодой дипломат Щедрина не читал и не собирался, а вот на каком основании Зубр появился в Берлине, чем он тут занимается, зачем якшается с эмигрантами, **угрожал** докопаться. Какие там мухи, что за мутации? (Д. Гранин. Зубр).

Сущность угрозы-предупреждения передается в следующей семантической экспликации:

X угрожает₂ / грозит₂ Y -у, что сделает P , [чтобы Y не делал Q] = ' X говорит Y -у,

* Деятельность социальной сети Instagram признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

что сделает P – нечто плохое для Y -а, если Y сделает Q – что-то плохое для X -а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q ’

Здесь побуждение семантически вполне прозрачно: оно следует из компонента ‘чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q ’. Впрочем, и в этом случае оно остается косвенным, хотя и вполне очевидным.

Вариантом угрозы-предупреждения является **угроза-понуждение**. Она реализуется в ситуации, когда говорящий хочет от адресата не бездействия (отказа от совершения поступка), а действия:

(9) Совсем не помню, что я отвечала этому полковнику. Кажется, я больше молчала, только изредка повторяя: «Не подпишу!» Он то **грозил**, то уговаривал, обещал свидание с мужем, с детьми (Е. Гинзбург. Крутой маршрут);

(10) И вдруг пошёл слух, и шёл этот слух от самой Лиды, она рассказала подруге, а от подруги пошло по полку, – во время очередной прогулки Мухин изнасиловал Войнову, **угрожал** ей огнестрельным оружием (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

Угроза-понуждение в целом описывается приведенным толкованием угрозы-предупреждения с тем отличием, что угроза-понуждение в ряде случаев преследует интересы адресата (разумеется, в понимании говорящего), ср.: *Если не сделаешь уроки, не пойдешь гулять!* Впрочем, это не мешает говорящему рассматривать бездействие адресата как событие, нежелательное для самого говорящего.

Угроза-понуждение не идентична шантажу, поскольку последний представляет собой более узкий класс угроз: это такие угрозы-понуждения, которые связаны с обнаружением компрометирующей информации. Шантаж как вид угрозы можно описать следующим образом:

X шантажирует Y-а, что сделает P, [чтобы Y не делал Q] = ‘ X говорит Y -у, что обнаружит об Y -е негативную информацию (P), если Y сделает Q – что-то плохое для X -а, чтобы Y боялся P и из-за этого не делал Q ’.

Характерные контексты угрозы-шантажа представлены в примерах (11), (12) и (13):

(11) Конечно, помощь со стороны КГБ, скорее, объяснялась высокими связями отца, да еще тем, что, оставшись в США, он **шантажировал** ру-

ководство СССР, мол, выдаст все, если тронут его детей (Совершенно секретно. 2003. 5 мая);

(12) Ей случалось нарываться на откровенных хамов, с которыми не хотелось встречаться во второй раз, но именно эти ее связи тянулись долго и мучительно. Один подонок вообще **шантажировал** ее, даже деньги вымогал, **угрожая** обо всем рассказать мужу. Были и галантные поклонники, которые называли Машу королевой и Золотой рыбкой, но в глазах все равно читалось: б...дь (Ольга Некрасова. Платит последний);

(13) Потом он **шантажировал** Вадима, говорил, что опубликует дневник, если Вадим не отдаст деньги... (Э. Володарский. Дневник самоубийцы).

Из приведенной семантической экспликации и примеров следует, что шантаж не может быть угрозой-наказанием, хотя санкция в виде обнаружения компрометирующих сведений как наказание за что-то плохое вполне возможна, ср. пример (14):

(14) Бабушка опять отвечала сыну, чтобы он учился и никого не смел любить без ее позволения, а в противном случае грозила ему сообщить об этом его начальству (Н. Лесков. Захудалый род).

В примере (14) угроза сообщения информации начальству, конечно же, не является наказанием за то, что уже случилось, поскольку коммуникативное намерение говорящего («бабушки») состоит в том, чтобы не допустить своеволия сына в любви в будущем. Отметим, что такие случаи не концептуализируются в языковом сознании носителей языка как угроза шантажом, если далее не следует требование со стороны угрожающего.

Для **угрозы-наказания** необходима реализация в тексте следующих смысловых блоков:

- агенс, или субъект, угрозы (угрожающий);
- адресат угрозы (тот, кому угрожают);
- событие, негативно оцениваемое агенсом угрозы, за которое несет ответственность адресат угрозы;
- санкция и обязательство реализовать ее.

Для **угрозы-предупреждения** набор смысловых блоков выглядит несколько иначе:

- агенс угрозы (угрожающий);
- адресат угрозы (тот, кому угрожают);
- действие, негативно оцениваемое субъектом угрозы, которое может реализовать адресат;

– санкция и обещание реализовать ее, если адресат выполнит указанное действие.

Рассмотрим, как передаются семантические характеристики угрозы, описанные в семантических экспликациях, а также смысловые блоки угрозы-наказания и угрозы-предупреждения в коммуникативном пространстве социальных сетей.

Угроза и иллокуции, близкие к семантике угрозы

В общении пользователей социальных сетей широкое распространение получают стратегии, которые довольно редко встречаются в обычной коммуникации. К ним относится, в частности, «дискурсивная стратегия» реализации угрозы. Суть дискурсивной стратегии состоит в том, что семантические блоки угрозы, определяющие ее как особый тип коммуникативного намерения, распределяются в дискурсе в виде отдельных реплик или комбинаций реплик.

Часто в блогговой коммуникации угроза представлена на фоне иллокуции других типов, в некоторых отношениях близких угрозе, что затрудняет проведение семантического анализа. Кроме того, хотя некоторые смысловые блоки угрозы эксплицитно выражены в дискурсе несколько раз, другие, наоборот, только подразумеваются.

В одном из дел в аккаунте погибшего юноши в социальной сети Instagram ровно через полгода со дня гибели появляются сообщения, в которых вина за смерть возлагается на друга юноши, бывшего с ним в момент трагедии, а также на мать друга. Последовательно появляются следующие сообщения:

(15) 6 месяцев как меня нет

В течении 24 месяцев после моей смерти до 20 декабря 2023 года, оба родных брата моего убийцы погибли в автокатастрофе. Их травмы будут похожи на мои. И их не спасут медики. Родители убийцы не осознают, что покрывая себя и сына-убийцу, они сами себя прокляли. Таково будет вразумление высшей силы, если убийца и его родители не понесут справедливое наказание. Отец будет за рулём. Он останется жив как растение, но мозг все будет понимать. Его жена сопьётся. Будет проклинать и его и сына-убийцу. Это страшно, но это правда. А ещё страшнее то, что сделали со мной.

20 сентября меня убил «друг» (Instagram);

(16) **sten362** Здравствуй Димочка. С этой минуты я бы советовал тебе оглядываться и не ходить вечерами одному, а то вдруг на тебя «случайно» – так же как и выпал из окна твоей квартиры Олег – упадет кирпич или выльется серная кислота. Твой адрес и контакты у нас есть, так что жди «подарочек» на двадцатилетие. Ты его точно не забудешь (Instagram);

(17) **orc-orc** Пока ты в полном порядке, но когда ты ослепнешь от кислоты ты будешь никому не нужен. Тебя все бросят, и ты будешь лежать в говне. А это все карма. Удачи (Instagram).

В представленной ситуации следовало бы ожидать выражения иллокуции угрозы-наказания. Действительно, семья погибшего юноши считает, что в его смерти виновен друг и его мать. Полугодовая дата со дня смерти – очевидный повод не только для воспоминаний, но и для возможных угроз в адрес предполагаемого виновника гибели.

Как уже отмечалось выше, для угрозы-наказания необходима реализация в тексте следующих смысловых блоков: 1) агент, или субъект, угрозы (угрожающий); 2) адресат угрозы (тот, кому угрожают); 3) событие, негативно оцениваемое субъектом угрозы, за которое несет ответственность адресат угрозы; 4) санкция и обязательство реализовать ее.

Рассмотрим фрагмент (15): агент в данном случае – автор сообщения в социальной сети Instagram, а адресат угрозы – друг погибшего юноши и его семья (*оба родных брата моего убийцы; отец... Он останется жив как растение; Его жена сопьётся. Будет проклинать и его и сына-убийцу; меня убил «друг»*). Негативное событие (причина угрозы-наказания) – гибель юноши. Санкция в данном случае многообразна и распределена по различным адресатам: *оба родных брата моего убийцы погибли в автокатастрофе. <...> ...Они [родители убийцы] сами себя прокляли. <...> Он [отец] останется жив как растение, но мозг все будет понимать. Его жена сопьётся*. Для угрозы существенно наличие обязательства угрожающего реализовать санкцию. Обязательство возможно только в том случае, если говорящий ее контролирует. Между тем в рассматриваемом случае автор фрагмента (15) не в состоянии контролировать все те события, которые описываются и отнесены к бу-

душему. Таким образом, в (15) представлена не иллюзия угрозы, а коммуникативное намерение предсказания, которое по сути передает проклятие. Проклятие характеризуется тем, что его произнесение влечет возникновение у адресата необратимых негативных изменений – вплоть до смерти, что обеспечивается действием сверхъестественных сил. Поскольку сам говорящий эти силы не контролирует, то говорить о реализации угрозы в данном случае нельзя⁵.

Во фрагментах (16), (17), относящихся к той же ситуации, санкция передается в следующих речевых высказываниях: *С этой минуты я бы советовал тебе оглядываться и не ходить вечерами одному, а то вдруг на тебя «случайно» – так же как и выпал из окна твоей квартиры Олег – упадет кирпич или выльется серная кислота. Твой адрес и контакты у нас есть, так что жди «подарочек» на двадцатилетие; Пока ты в полном порядке, но когда ты ослепнешь от кислоты ты будешь никому не нужен. Тебя все бросят, и ты будешь лежать в говне.*

Падение кирпича и ослепление кислотой – санкции в сложной угрозе фрагментов (16) и (17). Судя по фразе *Твой адрес и контакты у нас есть, так что жди «подарочек» на двадцатилетие*, автор (авторы?) исследуемых фрагментов принимает обязательство реализовать санкцию и контролирует ее. Что касается остальных смысловых блоков угрозы, то они, кроме адресации (*Здравствуй Димочка*), представлены в имплицитном виде, но легко вычисляются из контекста.

Адресаты угрозы в социальных сетях

Одна из особенностей коммуникации в социальных сетях – неопределенность адресата речевого сообщения. В юридических документах, в том числе в лингвистической экспертизе, в этих случаях пишут: «в качестве адресата выступает неопределенный круг лиц». Между тем лингвистическая квалификация угрозы неполна без адресата – это важнейшая дифференциальная характеристика угрозы как особого речевого акта. Множественность возможных адресатов либо дела-

ет невозможным квалификацию речевого акта как угрозы, либо требует выделения адресатов различных типов, причем речевой акт, будучи угрозой для одних адресатов, может оказаться иным по иллюкутивным характеристикам для других. Если речевой акт сохраняет семантику угрозы для нескольких адресатов, то можно говорить о «множественных угрозах».

Разберем характерный пример такого рода. В сети Instagram было опубликовано сообщение Р. Кадырова следующего содержания:

(18) Рамзан Кадыров: «Венедиктов ** превратил “Эхо Москвы” в главный антиисламский рупор»

В современном мире ежедневно происходят трагические события. Чаще всего они бывают спровоцированы глупыми действиями каких-то сил или лиц. Так называемые либералы придумали разные термины и лозунги, дающие им право под видом свободы слова порождать зло. После парижских событий наши отечественные либералы усердствуют, пытаясь угодить своим западным покровителям.

Так, руководитель радио «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов проводит опрос на тему, нужно ли рисовать карикатуры на Пророка (с.а.в.). Сама постановка вопроса носит провокационный характер. Это стремление оскорбить мусульман России и всего мира, вызвать вражду между народами, посеять хаос и беспорядки. Если кто-то, воспользовавшись случаем, кинет камушек в сторону «Эха», это сразу же приишут мусульманам. Мусульмане России давно уже видят, что Венедиктов превратил «Эхо Москвы» в главный антиисламский рупор. В этом можно убедиться, прослушав или прочитав материалы любого дня. На этой теме специализируется целая бригада авторов, которых ничто не связывает с Россией. У Венедиктова нет ни семейных, ни религиозных ценностей. Но это не дает ему право бесконечно обливать грязью и оскорблять десятки миллионов мусульман.

Я твердо убежден, что власть должна призвать к порядку радио, сеющее вражду и ненависть между людьми и народами. Иначе найдутся те, кто призовет Венедиктова к ответу. Сегодня у России много проблем, для преодоления которых, как никогда, нужны единство и сплоченность народов. А Венедиктовым нужна смута, нужна любая искра, чтобы погнать народ на площади. Мы надеемся, что эти попытки не останутся без внимания и спроса органов власти. Иначе мусульмане России, для которых не безразлична судьба своего

** Лицо, признанное СМИ, выполняющим функции иностранного агента.

Отечества, не станут бесконечно терпеть выходки Венедиктова и компании (Instagram).

В качестве адресатов данного текста выступают, во-первых, А.А. Венедиктов (*Венедиктов превратил «Эхо Москвы» в главный антиисламский рупор; У Венедиктова нет ни семейных, ни религиозных ценностей; найдутся те, кто призвет Венедиктова к ответу*) и журналисты радиостанции «Эхо Москвы» (*целая бригада авторов, которых ничто не связывает с Россией*); во-вторых, власти (*власть должна призвать к порядку радио, сеющее вражду и ненависть между людьми и народами; органы власти*); в-третьих, либеральная аудитория радиостанции (*так называемые либералы; отечественные либералы*); в-четвертых, мусульмане (*мусульмане России и всего мира; миллионы мусульман*).

Если угроза адресована нескольким адресатам (в данном случае – политическим субъектам), коммуникативная функция речевого акта оказывается разнородной, то есть речевой акт по отношению к различным адресатам может передавать различные иллокуции. В приведенном примере адресатом угрозы выступают А.А. Венедиктов и журналисты радиостанции «Эхо Москвы», поскольку именно им предназначены санкции, которые в явном виде не специфицированы, но явно чувствительны: *мусульмане России, для которых не безразлична судьба своего Отечества, не станут бесконечно терпеть выходки Венедиктова и компании*. Перлокутивная функция угрозы в отношении этого адресата – устрашение. Либеральная общественность также подпадает под этот перлокутивный эффект, хотя санкция на нее не распространяется. Власть рассматривается как контролер деятельности адресата угрозы, который может и должен повлиять на деятельность А.А. Венедиктова и журналистов радиостанции «Эхо Москвы» (*Мы надеемся, что эти попытки не останутся без внимания и спроса органов власти*). Следовательно, по отношению к власти данный фрагмент передает побуждение. Верующие-мусульмане выступают как вероятный исполнитель санкции: *мусульмане России, для которых не безразлична судьба своего Отечества, не ста-*

нут бесконечно терпеть выходки Венедиктова и компании. Следовательно, и по отношению к мусульманам в рассматриваемом фрагменте передается побуждение.

Следует иметь в виду, что контексты множественных персонифицированных угроз требуют распределения адресатов по характеру иллокутивного воздействия, поскольку речевой акт угрозы, кроме основной функции, может иметь побочные – подобно тому, как речевой акт в коммуникативной ситуации с несколькими участниками часто передает разные коммуникативные намерения по отношению к различным участникам [Кларк, Карлсон, 1986]. Именно поэтому в лингвистической экспертизе необходима специальная процедура (методика) анализа адресатов множественных персонифицированных угроз.

Кроме того, некоторые ситуации могут быть деперсонифицированы, что также характерно для коммуникативного пространства социальных сетей. В этом случае адресат имеет неопределенный характер. Иными словами, невозможно указать конкретное лицо, на которое направлена угроза: референт неконкретен. В разобранный примере (18) – в реплике Р. Кадырова против политики радиостанции «Эхо Москвы» – персонифицирован только главный редактор радиостанции А.А. Венедиктов, а остальные адресаты деперсонифицированы. Действительно, другие адресаты – власть, либеральная общественность, мусульмане России и всего мира – неопределенны, хотя следует отметить, что собственно угроза, кроме А.А. Венедиктова, распространяется только на журналистов радиостанции «Эхо Москвы», которые также деперсонифицированы.

Комбинированные (креолизованные) угрозы-импликатуры

Выше уже отмечалось, что в социальных сетях вербальные формы часто переплетаются с невербальными (изображениями, музыкой, шумами). Этот феномен часто называют «креолизованным»⁶ текстом. Представляется, однако, что данный термин не вполне удачен, поскольку относится к взаимодействию и взаимопроникновению вербальных семиотических систем – языков. Предпочти-

тельнее в этом случае использовать более нейтральный термин – «комбинированный» текст. Основные принципы лингвистического анализа комбинированного текста обсуждались ранее автором в статье «Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы» [Баранов, 2018]. В комбинированном тексте изображение комментируется или дополняется вербальной составляющей сообщений, что позволяет более точно восстанавливать компоненты семантики угрозы. Таким образом, «комбинированная (креолизованная) угроза» – это способ передачи иллокутивной семантики угрозы с использованием значимых элементов изображения и связанных с ним вербальных компонентов.

В комбинированных угрозах коммуникативное намерение часто передается импликатурой дискурса. Под импликатурой дискурса в современной лингвистической семантике и прагматике понимается семантический вывод, который делает слушающий по буквальному содержанию адресованного ему речевого акта и на основании постулатов речевого общения, сформулированных, в частности, в известной работе Г.П. Грайса «Логика и речевое общение» [Грайс, 1985]⁷. В отличие от семантического следствия и пресуппозиции, импликатура дискурса не связана непосредственно с семантикой контекста. Она связана с общими принципами ведения коммуникации – с максимальной осмысленности ре-

чевого акта (и текста в целом), с постулатом релевантности, с максимальной искренности и т. д.

Импликатуры дискурса довольно часто используются в комбинированных текстах социальных сетей для передачи семантики угрозы. Назовем такой тип угроз «комбинированные угрозы-импликатуры». Они передают иллокутивную семантику угрозы с использованием значимых элементов изображения и связанных с ним вербальных компонентов на основе импликатуры дискурса.

Использование импликатур дискурса позволяет по изображению и вербальной части текста восстановить общее содержание сообщения. См. пример такого рода на рисунке.

Приведенный рисунок включает в себя как изображение (фотографию человека, стреляющего из винтовки (или из охотничьего ружья), и наблюдающего за выстрелом ребенка), так и вербальный компонент (текст): *НЕ НАДО бояться п.....сов, сынок!* Очевидно, что изображение и текст связаны между собой по смыслу. Это требует от адресата выполнения простой логической операции: поскольку изображение и текст связаны, то очевидно, что «охотник» стреляет по гомосексуалистам («п.....сам»). Тогда вербальная часть и собственно изображение (фотография) непротиворечиво сочетаются в едином комбинированном тексте. Формально речевой акт адресован ребенку (коммуникативное намерение совета), но в качестве дополнительного адресата выступают представи-

Демотиватор-угроза, адресованная представителям ЛГБТ-сообщества
Demotivator-threat addressed to representatives of the LGBT community

тели ЛГБТ-сообщества («смежная угроза» – подробнее о типах угроз см.: [Баранов, 2021]).

Иллокутивная структура демотиватора в постере на рисунке более сложна, чем это может показаться на первый взгляд: по форме это совет (в отношении сына), по актуальной коммуникативной направленности – косвенный речевой акт, передающий призыв к единомышленникам уничтожать представителей ЛГБТ-сообщества, и, наконец, смежная угроза в адрес последних. Как и в предшествующем случае (реплики Р. Кадырова), комбинированный текст в социальных сетях может иметь различную иллокутивную направленность в зависимости от адресата.

Заключение

Интернет как новая технология обработки информации, позволяющая порождать знания, обмениваться данными, синтезировать данные различных типов (вербальные, визуальные, аудиальные), привел к формированию особой коммуникативной среды, в которой автор сообщения, участник коммуникации – виртуальный коммуникант («субъект on-line») – совсем не обязательно идентичен реальному человеку («субъекту off-line»). Более того, субъект on-line по большей части не совпадает с субъектом off-line. Дискурсивные практики и дискурсивное поведение в интернет-среде в большей степени соответствуют системе ценностей субъекта off-line, поскольку реализация целей в интернет-среде не ограничена материальными оковами. Прокат брендовых аксессуаров, съемки в снятой на час роскошной яхте с последующим размещением в социальной сети соответствующих фотографий, отражающих виртуальный успех субъекта on-line, представляет собой характерное поведение по крайней мере части современного социума. Симулякр общения в социальных сетях все больше замещает реальные связи людей в обществе.

Феномен угрозы преобразуется в новой среде общения, становясь неуловимым фантомом, который мимикрирует под другие речевые акты – проклятья, намеки, советы, предложения и пр., что существенно осложняет выявление этого типа иллокуции, критически важного для криминального дискурса и, соответственно, судебной лингвистической экспертизы. Но-

вый инструментарий лингвистической семантики должен включать категории визуальной семиотики (визуальные и динамические знаки), обладать возможностями семантической интерпретации комбинированных (креолизованных) текстов, а также расширенным и уточненным аппаратом теории речевых актов, учитывающим наличие множественных адресатов речевых актов. Это позволит по-новому взглянуть на классические задачи лингвистического описания функционирования языка как средства общения, поставленные в известных работах Л.П. Якубинского [Якубинский, 1986] и М.М. Бахтина [Бахтин, 1979].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О семиотике невербальных знаковых систем см., в частности: [Баранов, 2018; Kress, Van Leeuwen, 1988; Kress, Van Leeuwen, 1990].

² О соотношении юридических признаков угрозы и возможности использования инструментария лингвистической семантики см. подробнее [Баранов, 2021, с. 11–30].

³ Семантическая классификация угроз производится с необходимыми уточнениями по: [Баранов, 2013].

⁴ В приведенных фрагментах, опубликованных в социальной сети Instagram, авторские орфография и пунктуация сохранены.

⁵ Отдельно стоит вопрос о правомерности санкции: обращение в суды не нарушает действующего законодательства. Однако это вопрос не лингвистический и лингвистом-экспертом не решается.

⁶ Хотелось бы подчеркнуть, что вопрос о реальных последствиях проклятия, обеспечиваемого то ли сверхъестественными способностями носителей языка, то ли действием сверхъестественных сил, носит как минимум дискуссионный характер. Это экстралингвистический аспект речевого поведения, и его следует оставить в стороне. В данном случае существенно, что речевой акт «проклятие» оформляется с языковой точки зрения именно так и никак иначе.

⁷ Термин «креолизованный» по отношению к текстам указанного типа был предложен Ю.А. Сорокиным и Е.Ф. Тарасовым в начале 1990-х гг. [Сорокин, Тарасов, 1990]. Его внутренняя основа мотивируется идеей о том, что в процессе креолизации происходит взаимопроникновение ценностей различных культур. По аналогии креолизованный текст сочетает собственное изображение и вербальный компонент.

⁸ См. также развитие теории постулатов дискурса и максим разговора в работах Г.П. Грайса: [Grice, 1957; 1968; 1969].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 2013. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1. М. : Изд-во РГГУ. С. 72–82.
- Баранов А. Н., 2018. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. № 3 (17). С. 9–36.
- Баранов А. Н., 2021. Угроза в криминальном дискурсе (семантика и прагматика). М. : Азбуковник. 224 с.
- Бахтин М. М., 1979. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. 424 с.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б., 1986. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс. С. 270–321.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., 1990. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М. : Высш. шк. С. 180–186.
- Якубинский Л. П., 1986. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы : Язык и его функционирование. М. : Наука. С. 17–58.
- Grice H. P., 1956. Meaning // *Philosophical Review*. Vol. 66, iss. 3. P. 377–388.
- Grice H. P., 1968. Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word Meaning // *Foundations of Language*. № 4. P. 225–242.
- Grice H. P., 1969. Utterer's Meaning and Intentions // *Philosophical Review*. Vol. 78, № 2. P. 147–177.
- Kress G., Van Leeuwen T., 1988. *Social Semiotics*. Cambridge : Polity. 301 p.
- Kress G., Van Leeuwen T., 1990. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Melbourne : Deakin Univ. Pr. 321p.
- Wierzbicka A., 1983. *Genry mowy // Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk : Wydawnictwo PAN. P. 125–137.

REFERENCES

- Baranov A.N., 2013. Semantika ugrozy v lingvisticheskoy ekspertize teksta [Semantics of Threat in Forensic Linguistics]. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya –*

2 iyunya 2013 g.). Вып. 12 (19). В 2 т. Т. 1 [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 29 – June 2, 2013). Iss. 12 (19). In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Izd-vo RGGU, pp. 72-82.

- Baranov A.N., 2018. *Metazyazyki opisaniya neverbalnoy sostavlyayushchey kombinirovannykh tekstov dlya tseley lingvisticheskoy ekspertizy* [Metalanguages Describing the Nonverbal Component of Combined Texts for the Purposes of Forensic Linguistics]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 3 (17), pp. 9-36.
- Baranov A.N., 2021. *Ugroza v kriminalnom diskurse (semantika i pragmatika)* [Threat in Criminal Discourse (Semantics and Pragmatics)]. Moscow, Azbukovnik Publ. 224 p.
- Bahtin M.M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ. 424 p.
- Grice H.P., 1985. *Logika i rechevoe obshchenie* [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Вып. 16. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., pp. 217-237.
- Clark H.H., Carlson T.B., 1986. *Slushayushchie i rechevoy akt* [Hearers and Speech Act]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Вып. 17. Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. Iss. 17. Linguistic Pragmatics]. Moscow, Progress Publ., pp. 270-321.
- Sorokin Yu.A., Tarasov E.F., 1990. *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya* [Creolized Texts and Their Communicative Function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimization of Speech Influence]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., pp. 180-186.
- Yakubinskiy L.P., 1986. *O dialogicheskoy rechi* [Concerning Dialogue]. *Yakubinskiy L.P. Izbrannyye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie* [Selected Works. Language and Its Functioning]. Moscow, Nauka Publ., pp. 17-58.
- Grice H.P., 1956. *Meaning. Philosophical Review*, vol. 66, iss. 3, pp. 377-388.
- Grice H.P., 1968. *Utterer's Meaning, Sentence-Meaning, and Word Meaning. Foundations of Language*, no. 4, pp. 225-242.
- Grice H.P., 1969. *Utterer's Meaning and Intentions. Philosophical Review*, vol. 78, no. 2, pp. 147-177.
- Kress G., Van Leeuwen T., 1988. *Social Semiotics*. Cambridge, Polity. 301 p.
- Kress G., Van Leeuwen T., 1990. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. Melbourne, Deakin Univ. Pr. 321 p.
- Wierzbicka A., 1983. *Genry mowy. Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Wydawnictwo PAN, pp. 125-137.

Information About the Author

Anatoly N. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia, ruslang@ruslang.ru, baranov_anatoly@hotmail.com, ResearcherID: J-7113-2017, <https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>

Информация об авторе

Анатолий Николаевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, ruslang@ruslang.ru, baranov_anatoly@hotmail.com, ResearcherID: J-7113-2017, <https://orcid.org/0000-0001-9318-0693>